

Злость поверженна скрежещет,
В узах ябеда трепещет,
Глас зовет твоих людей».

Центральная фигура столового прибора так же изображает Екатерину в короне и в царской мантии, увенчанную лаврами. Возле нее лежит книга законов, а поверх книги — весы справедливости и императорская корона. На пьедестале золотая надпись: «Блаженство и Слава российской империи» и написанные золотом эмблемы. Среднюю фигуру дополняют две добродетели: «Человеколюбие» и «Справедливость».

«Но пой ты, пой здесь Решемысла,
Великого вельможу смысла,
Наперсника царицы сей,
Которая сама трудится. . .
.
Которая законы пишет,
Любовию к народу дышет,
Пленит соседей без оков. . .»
(Решемыслу, 1783.)
«. . . Екатерица

Та венценосна добродетель,
То воплощенно божество,
Которое дождит блаженства».
(Ода на приобретение Крыма, 1783.)
«Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют?
У трона разве твоего?»
(Фелица, 1783)

В идеальной характеристике царицы, данной в статуетке столового прибора, нет ни одного элемента, который не повторялся бы в «Изъяснениях» сенатских барельефов или в стихах Державина той же поры. Статуетка Рапета и позднейшая статуя Екатерины работы Шубина (1790) имеют много общего по идее и по композиции с портретом царицы, написанным Д. Г. Левицким для Безбородко по программе Львова. Этот портрет, как известно, описан Державиным в оде «Видение мурзы».

Здесь следует указать одно примечательное обстоятельство. Левицкий, благодаря И. Богдановича за посвященные ему стихи, опубликовал в «Собеседнике любителей российского слова», прозаическое описание исполненного им портрета.¹ Это описание — совершенно выпадает по стилю из письма Левицкого и, в то же время,

¹ Собеседник, 1783, ч. VI, стр. 17. Приведя это описание, Левицкий говорит: «Что же касается до мысли и расположения картины, то оными я обязан одному любителю художеств», т. е. он отделяет автора описания от автора программы портрета.